

XXIII. Победа над Врангелем

Вследствие соглашения с красной армией, отношения между махновцами и большевистскими руководителями становятся самыми дружественными. Бэла Кун и другие красные должностные лица прибыли с визитом к Махно и передали ему более сотни фотографий и открыток, представлявших членов исполнительного комитета III-го Интернационала! Станный подарок с красивым посвящением «борцу рабоче-крестьянской революции, товарищу Батьке Махно¹⁰¹¹»! Речь шла о том, чтобы вызвать доверие повстанцев и убедить их в искренности Москвы. Особо отличился Бэла Кун, который после возвращения к своим похвалялся, что сыграл хорошую шутку с Махно¹⁰²². Верно, что у него была уже репутация плута и что он не прекращал подвиги такого рода, так как, по свидетельству Виктора Сержа, он должен был искупить вину за жалкое поведение во время венгерской советской революции, а также за постоянные «глупости», за которые Ленин в ходе одного из собраний десятков раз обозвал его «дураком», что с трудом пыталась смягчить в своем отчете жена Виктора Сержа, официальная стенографистка¹⁰³³!

Как бы там ни было, последствия этого соглашения вскоре стали ощутимыми. Махновцы в качестве операционного пространства получили свою собственную основную территорию, занятую белыми: Синельниково, Александровск, Гуляй-Поле и Бердянск. Вступив в соприкосновение с противником на этой части фронта, они должны были решить проблему предполагаемых или реальных махновских повстанцев, ставших на сторону Врангеля. Они вступили, в частности, в контакт с «атаманом» Володиным и тысячей его партизан, окопавшихся возле днепровских порогов, недалеко от Александровска. Володин был анархистом и действительно участвовал в махновском движении, в частности, в битве под Перегоновкой, затем, отрезанный от главного повстанческого ядра и возмущенный большевистскими репрессиями, поддерживал операционный контакт с Врангелем, основываясь на известных слухах о совместном соглашении. Как только он узнал о договоре, заключенном с красной армией против белых, то готов был повернуть против них, но белые, интуитивно почувствовав неладное, захватили его вместе со штабом и расстреляли, а его партизан разоружили¹⁰⁴⁴.

После двух попыток штурма махновцы освободили Гуляй-Поле, затем потеснили фронт противника в Орехове, где они разгромили отборный врангелевский полк и взяли в плен целый батальон. Махно следующим образом излагает особые обстоятельства этой победы:

“ Никита Чалый – махновец из бедной крестьянской семьи панской деревушки Миргородщины, хороший партизан, блестяще выполнял все

задание моего штаба по тылам деникинщины и врангельщины; но провокация большевиков и самого Врангеля, всей их прессы о том, что Махно в союзе с Врангелем идет против большевиков, сбила с правильного пути его и он очутился у Врангеля в качестве командира 10-й бригады имени Батька Махно, которую врангельское командование начало организовывать под этим номером и именем, но мы помешали. Этот самый Чалый при подходе Махновской армии к линии врангелевского фронта в октябре месяце 1920 года, и в схватке с врангельцами, сразу же приехал ко мне, чтобы умереть, как махновец, от руки махновцев за свои заблуждения, уведшие его в стан врангельщины. Но я, будучи полководцем, знавшим прямое дело революции, в то время не мог его расстрелять, я дал ему задачу возвратиться в стан врангельщины к месту формирования 10-й бригады имени Батько Махно и привезти мне весь офицерский кадр, выделенный штабом Врангеля для формирования и обслуживания этой бригады.

Чалый вернулся в стан врангельщины и в ночь с 17-го под 18 октября привез мне в штаб весь этот кадр – в лице полковника, капитанов и поручиков. Все эти врангельские организаторы были опрошены моим помощником С. Каретником в присутствии моем и большевистских представителей от штаба Южфронта во главе с Васильевым. От них я узнал расположение сил врангельской армии в тех местах, где находилась «непобедимая» дроздовская дивизия врангельской армии и я, не дожидаясь нашего общего с Красной армией наступления против Врангеля, распорядился по частям сводной группы т. Петренко и кавалерии т. Марченко атаковать знаменитых дроздовцев, которые до сего времени силами одной дивизии гнали непрерывно силы двух – 23 и 42 – дивизий Красной армии.

Ответственные повстанцы-махновцы при разведывательной помощи опять-таки этого же Чалого пошли против Врангельской гордости – дроздовцев и последние были атакованы и разбиты махновцами так, как они Красной армией никогда не разбивались. Это хорошо знает и Красное командование и сами дроздовцы с Кутеповым и Врангелем во главе.¹⁰⁵⁵

Донесение Фрунзе от 24 октября подтверждает рассказ Махно, поскольку он признает, что повстанческая армия разбила 22 октября прикрытие флангов противника недалеко от Днепра и Александровска, взяв в плен 4000 человек из дивизии Дроздова¹⁰⁶⁶.

Затем махновцы отошли к Гуляй-Полю, чтобы немного отдохнуть, но штаб красной армии приказал им продолжить наступление по тылам противника. Махно попросил три дня отдыха, но был вынужден выполнить эту директиву после второго, категорического приказа, содержавшего угрозу расторгнуть соглашение. Сам Махно, перенесший сложную операцию, после ранения, не мог сесть на лошадь и остался в Гуляй-Поле в сопровождении своей черной гвардии. Он отправил часть личного состава на отдых по домам, затем сформировал сильный экспедиционный корпус из лучших частей повстанческой армии, а

именно из знаменитой и непобедимой кавалерии под командованием Марченко, и не менее знаменитого пулеметного полка под командованием Фомы Кожина. Во главе экспедиционного корпуса был поставлен Семен Каретник, ему помогал в качестве начальника штаба тот самый Петр Гавриленко, который только что вышел из большевистской тюрьмы.

23 октября повстанцы заняли Александровск. 29 октября в военном донесении, направленном Фрунзе неким Каратыгиным и подписанном также политкомиссаром Андреевым (оба временно прикомандированные к Каретнику), сообщалось о взятии Большого Токмака. Повстанцы обошли город с запада, вблизи немецкой колонии Гейдельберг, затем штурмом взяли траншеи противника, почти полностью уничтожив 6-й Самарский стрелковый полк, взяв двести пленных и захватив 4 пушки и пулеметы. Затем они овладели городом Мелитополем и стратегическим вокзалом в Акимовке, снова взяв большую добычу¹⁰⁷⁸. Отряд Каретника продолжил свой путь, поскольку Фрунзе отдал ему приказ о взятии крымских перешейков, разбил еще один кавалерийский полк противника и расчистил путь до Сиваша, неподалеку от Перекопа.

Попытка Врангеля перейти на правый берег Днепра провалилась, и теперь Днепр перешли красные войска, которые, использовав махновские победы, усилили давление на армию Врангеля, осуществляя его с крайней медлительностью и осторожностью, так как они боялись попасть в ловушку и повторить злоключения корпуса Жлобы, разбитого белыми в пух и прах несколько месяцев назад. Вот почему Фрунзе использовал махновцев на острие своего наступления. Потесненные на востоке, белые боялись оказаться отрезанными от своих крымских тылов и постепенно отходили к перешейкам Перекопа, Сальково и Геническа, которые прикрывали доступ в Крым.

Белые проиграли решающую битву за Северную Таврию; им пришлось оставить всю территорию, отнятую у красных на протяжении лета 1920 г. Они потеряли к тому же много поездов с оружием и особенно с хлебом, который рассчитывали продать или обменять на поставки оружия и техники из заграницы, поскольку поддержка Франции оставалась пока чисто платонической. Бои во второй половине октября приходилось вести в суровых погодных условиях – температура ниже двадцати градусов, вода в резервуарах вдоль железной дороги замерзала, и поезда не могли быть пригнаны вовремя. Врангель оценивает добычу и приобретения красных следующим образом:

“ 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около 2 миллионов пудов хлеба¹⁰⁸⁹ в Мелитополе и Геническе. Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными и отставшими, главным образом, из числа бывших красноармейцев, поставленных разновременно в строй. Были отдельные случаи и массовых сдач в плен. Так сдался целиком один из батальонов Дроздовской дивизии¹⁰. Однако армия осталась цела, и наши части, в свою очередь,

захватили 15 орудий, около 2 тысяч пленных, много оружия и пулеметов. Армия была цела, однако боеспособность ее не была уже прежней.¹¹

Действительно боевой порыв врангелевской русской армии был подорван последовательными поражениями: она потеряла свою репутацию непобедимой, завоеванную много месяцев назад.

Таким образом, махновцы осуществили за две недели то, что красная армия не смогла сделать за шесть месяцев! Это утверждение было бы досужим, если бы оно не подтверждалось самыми официальными документами Красной армии, отражающими эти бои. Уже на почти всех опубликованных по этому поводу схемах и картах хорошо указаны позиции махновской армии, в данном случае экспедиционного корпуса Каретника, поддерживаемого на флангах 23-й и 42-й красными стрелковыми дивизиями. Они свидетельствуют о том, что именно этот корпус находился на передовой¹⁰. Существуют также официальные приказы и донесения, на которые мы ссылались выше, но, кроме того, имеются не прямые упоминания, указывающие на ведущую роль махновцев. Мы располагаем, например, передовой статьей в первом номере официального журнала красной армии Военная наука и революция, вышедшего в июле-августе 1921 г. (в то время, когда махновское движение на Украине не было еще разгромлено), в которой утверждается, что Врангель проиграл свою кампанию в районе Никополя, то есть как раз в междоусобицу военных операций махновцев. Более того, в статье уточняется, что «главной характеристикой» этих столкновений было то, что они «не входили ни в коем случае в расчеты и планы красной армии, поэтому они даже не готовились главным командованием¹¹». Еще более показательна статья, посвященная «ликвидации Врангеля», в большом труде о гражданской войне в России, опубликованном в 1930 году коллективом самых крупных военачальников красной армии того времени, а именно – С. Каменевым, Бубновым, Урицким, Эйдеманом и другими. Прежде всего, в ней объяснялось, что соглашение с Махно со всей очевидностью оправдано в глазах любого историка своим «операционным и стратегическим значением»; численность отряда Каретника составляла 4000 пехотинцев, 1000 кавалеристов, 1000 пулеметчиков и других бойцов, всего 6000¹², располагавших 250 пулеметами и 12 пушками, тогда как красная армия имела общую численность личного состава 188 771 человек (то есть больше 500 000 с резервами и тылами против 41 000 белых). Здесь упоминается решающая роль, которую сыграл фронт на пологовском направлении – откуда как раз шли махновцы, – вытекающая из факта, что Врангелю пришлось снять с западного участка своих оборонных позиций, который не позволял основным силам красных, расположенным на правом берегу Днепра, перейти на левый берег: три кавалерийских дивизии донских казаков, лучшие части Врангеля, по мнению авторов, и направить их на Пологи. Между прочим, мелитопольский укрепленный район рассматривался белыми как самый надежный; мы только что видели, что с ним произошло. Естественно, авторы остерегаются прямо назвать таинственное подразделение, нарушившее все планы белых, они предпочитают высказываться неопределенно «красная армия», «13-я армия» (в которой числился отряд Каретника) или, самое большее, говорят о смешанной конно-пехотной дивизии, без каких-либо уточнений! Можно понять, как им было неудобно объяснять, что несколько тысяч решительных повстанцев сделали больше для

поражения Врангеля на левом берегу Днепра, чем 500 000 красноармейцев, сосредоточенных в регионе, боеспособность которых явно оставляла желать лучшего. Восстановим, таким образом, точную правду фактов: именно мощные удары махновцев на Орехов, Большой Токмак и взятие ими Мелитополя вынудили войска Врангеля отступить в Крым.

28 октября Фрунзе отказался дать Каретнику четыре-пять дней для отдыха и приведения в порядок боевых частей и сообщил ему, что отказ повиноваться будет означать отказ участвовать в ликвидации Врангеля¹¹²¹⁵. Понятно, что в рамках своей логики, он предпочитал, с одной стороны, максимально использовать настолько эффективную часть, даже если она поизносится и будет разбита в боях, с другой стороны, он предпочитал держать ее впереди себя, чем в своем тылу, и особенно, как уточнил большевистский руководитель Косиор¹¹³¹⁶, следовало любой ценой изолировать ее от других частей красной армии, чтобы избежать распространения заразы! Вследствие этого отряд, вначале включенный в 13-ю армию, неожиданно 4 ноября был передан под командование 4-й армии, 5 ноября – 6-й, 11 ноября – 2-й кавалерийской, а 17 ноября снова 4-й армии красных! Отряд рассматривался или как служанка на побегушках, или же, что более правдоподобно, эта карусель свидетельствует о паническом страхе высшего красного командования, стремившегося не допустить соприкосновения махновцев с другими частями красной армии, чтобы избежать заражения их революционным пылом. Воспоминание о Помощной в августе 1919 г. должно быть еще не стерлось в памяти красных военных руководителей.

3 ноября, во время прямого телефонного разговора с С. Каменевым, Фрунзе заявил, что махновцы 2-го вечером вышли к проливу Сиваш, и перед ними стоит задача форсировать его, чтобы атаковать с тыла белые укрепления на Перекопе. 5 ноября он отдал им формальный приказ наступать на этом направлении. Он хорошо знал, что посылает их на бойню, так как им придется в открытую пройти стоячие болота Сиваша. Впрочем, у главнокомандующего фронтом С. Каменева не было иллюзий об исходе атаки укрепленных позиций белых: в телеграмме Ленину он оценивает возможность взятия Перекопского перешейка в один шанс из ста¹¹⁴¹⁷.

Командующий 6-й красной армией, А.И. Корк, на научной военной конференции 11 ноября 1921 г. изложил последовательность событий:

“Начало боевых действий. Отношение махновцев к Красной Армии не было достаточно ясно, и оставление отряда Каретника в нашем тылу казалось несколько нецелесообразным, поэтому командующий войсками фронта поставил задачу – отряд Каретника выдвинуть вперед. Раз выяснилось, что Сиваш проходим, то представилась возможность выбросить этот отряд вперед для занятия в качестве плацдарма Литовского полуострова. Эта задача была дана 5 ноября командармом-6 в с. Ново-Николаевке, где стоял отряд, лично начальнику отряда Каретнику, который должен был ее выполнить в ночь с 5-го на 6-е, так как 7 ноября предполагалось перейти в общее наступление. Отряд Каретника двинулся через Сиваш, но, не доходя

до Литовского полуострова, вернулся, и начальник отряда донес, что местность настолько болотиста, что о прохождении Сиваша говорить не приходится, 6-го числа была произведена новая рекогносцировка, которая показала, что доклад начальника отряда был ложный, так как Сиваш был вполне проходим.

Общее наступление предполагалось начать утром 7 ноября вследствие того, что рекогносцировки не были вполне закончены, а главное потому, что прибытие 52-й дивизии несколько задержалось: вследствие ее глубокого движения на юго-восток в сторону Чонгара дивизия прибыла в с. Владимировку лишь поздно вечером 6 ноября. Естественно, бросить утомленную дивизию для выполнения такой серьезной задачи казалось нецелесообразным. Однако, с другой стороны, имелись обстоятельства, которые, безусловно, заставляли торопиться с началом операции. Всем, конечно, ясно, что потеря нами каждого дня могла быть полезной только противнику: противник имел бы возможность улучшить свои позиции и занять более устойчивое положение. Кроме того, ветер переменял направление – с вечера 6 ноября подул восточный ветер; стали поступать тревожные сведения, что вода начинает заполнять Сиваш. Это тоже заставило торопиться с началом операции. Ясно, что прохождение такой открытой равнины на протяжении десяти верст не могло быть осуществлено днем без значительных потерь, поэтому казалось более целесообразным нанести удар ночью. Командармом-6 было решено начать наступление 52-й и 15-й дивизиями, в том числе и отрядом Каретника, вечером 7 ноября, а именно в 22 часа.¹¹⁵¹⁸

Корк оценивает в этот момент численность отряда Каретника в 1000 пехотинцев и 700 кавалеристов, располагавших 191 пулеметами и 6 пушками¹¹⁶¹⁹. Тем не менее, он говорит достаточно прямо о переходе через Сиваш. Действительно, местные крестьяне указали наилучший брод. Махновцы прошли первыми под валом огня белых, они понесли потери, но им удалось закрепиться на Литовском полуострове, отбросив кубанских казаков генерала Фостикова. За ними последовали две уже названные дивизии, одна из которых состояла из латышских стрелков. Этот маневр явился историческим повторением перехода фельдмаршала русской армии Ласси, который также пересек Сиваш в 1737 году, чтобы зайти в тыл крымским татарам. Действительно, Перекопский перешеек всегда имел репутацию неприступного, таким образом, понятен пессимизм Каменева, тем более что теперь Перекоп защищали 750 пулеметов, 180 пушек и 48 танков, а также бронепоезда, находившиеся на некотором расстоянии в тылу. Кроме того, многие тысячи отборных солдат белой армии окопались за тремя рядами траншей и колючей проволоки.

Двадцать две атаки красных подразделений, проведенные на протяжении нескольких дней ценой тяжелейших потерь, ни к чему не привели. Опасный маневр, осуществленный Каретником, оказался решающим, так как он позволил создать прочный плацдарм, подтянуть другие красные войска и атаковать с тыла укрепления белых. Белые осознавали опасность и ожесточенно сражались, чтобы отбросить наступающих к Сивашу. 9 ноября им

удалось прижать их в северной части полуострова. Приведем рассказ Корка об этих событиях:

“Около 15 час. на перешейке между Сивашем и Безымянным озером перешла в наступление конница Барбовича, 15-я дивизия левым флангом стала отходить. Тут оказал поддержку отряд Каретника, который быстро развернулся и встретил конницу противника убийственным пулеметным огнем. Конница Барбовича бросилась назад. Благодаря помощи, оказанной отрядом Каретника (пулеметным полком), левый фланг 15-й дивизии был быстро приведен в порядок.¹¹⁷²⁰

Другой, более современный советский источник еще в большей мере вносит новые оттенки в описание этого решающего сражения: Барбович и его кавалерия кубанских казаков атаковала левый фланг 15-й дивизии (латышей), который дрогнул. Ситуацию спас отряд Каретника: кавалерия Марченко контратаковала, затем в последний момент рассыпалась веером, и кавалерия противника оказалась лицом к лицу с тачанками пулеметного полка Фомы Кожина, который адским огнем остановил боевой порыв казаков Барбовича. Автор этого описания, взятого из работы по истории латышских стрелков, также подчеркивает большую роль маховцев в переходе через Сиваш под вражеским огнем и свидетельствует, что они первыми закрепились на Литовском полуострове¹¹⁸²¹.

Иной красный военачальник (бывший царский полковник) пишет в классическом труде о гражданской войне, что «в ночь на 8 ноября, части 6-й армии, назначенные для взятия Литовского полуострова, перешли Сиваш, разбили отряд белого генерала Фостикова и закрепились на полуострове. Контратаки противника не имели успеха; так 15 стрелковая дивизия, затем 52-я также подошли и закрепились на полуострове. Затем к утру подошли 153-я бригада 51-й дивизии и кавалерийская бригада Крыленко¹¹⁹²²». Отметим уклончивую формулировку, употребленную для обозначения маховского отряда, определенного как «части, назначенные для взятия Литовского полуострова»; тогда как все остальные части указаны точно!

Между тем, навязчивая мысль красных военных руководителей о пресловутой «зараженности» маховцев привела к странному решению от 11 ноября о подчинении их 2-й конной армии! Они, несомненно, еще боялись, чтобы не возникло боевое братство маховцев с красноармейцами.

Застигнутые с тыла белые, понимая свое поражение, вынуждены были отойти к портам Крыма, где грузились, соблюдая порядок, на корабли русского флота, заранее приготовленные Врангелем на случай эвакуации. 11 ноября Фрунзе предложил им сдаться и гарантировал всем сохранение жизни и полную амнистию. Те, кто желал, могли остаться и работать в социалистической России; что касается остальных, дав слово чести не воевать против России и советской власти, они могли оставить страну¹²⁰²³! Ленин немедленно его поправил, упрекнув за такие чрезмерные уступки, которые могли быть сделаны, только если противник примет условие оставить все корабли; он приказал не повторять подобные

предложения и безжалостно подавить белых, если они не примут это предложение¹²¹²⁴. Действительно, много белых солдат и офицеров, которые были, прежде всего, патриотами, поверили, к своему большому несчастью, этим красивым обещаниям и остались на месте.

Красная армия, удивленная таким быстрым успехом и еще более быстрым бегством белых, и возможно, все еще опасаясь западни, продвигалась вперед очень медленно. И вновь махновцы первыми вошли вглубь Крыма и 13 ноября овладели Симферополем.

Белые спокойно продолжали погрузку на корабли, и когда первые подразделения красных вступили в крымские порты в Севастополь, Феодосию, Керчь и Ялту, они нашли там несколько отставших и толпы растерянных штатских беженцев. Почти все белогвардейцы, которые этого хотели, смогли покинуть Крым до 16 ноября. Около 100 000 военных, 50 000 гражданских, в том числе 30 000 женщин и 7000 детей, покинули, таким образом, на 126 русских кораблях последний уголок своей страны. Врангелю удалось избежать несчастья для своей армии и спасти честь, но с белым движением во всей России было покончено, за исключением атамана Семенова и безумного барона Унгерн-Штернберга, которые еще будут свирепствовать несколько месяцев в Сибири, на границах Манчжурии.

Фрунзе отдал приказ отряду Каретника расположиться в устье реки Кача, в г. Саки, на западном побережье Крыма. Автор Истории латышских стрелков прямо признает, что это было сделано, чтобы изолировать махновцев и помешать им уйти из Крыма. С этой целью они были, между прочим, окружены 52 дивизией, 3-им кавалерийским корпусом и 2-й латышской бригадой¹²²²⁵. 13 ноября Фрунзе заявил по телефону Каменеву, что он «оставил 42-ю дивизию поблизости Гуляй-Поля ввиду возможных осложнений с ее стороны». На вопрос Каменева о том, как вели себя махновцы, Фрунзе ответил, что их поведение во время последних боев было посредственным, и что они явно избегали заданий, сопряженных с риском серьезных потерь¹²³²⁶. Фрунзе продемонстрировал здесь излишек нежности, сожалея, вероятно, что махновцы не понесли больших потерь, хотя он не пропускал случая выставлять их как можно чаще на самые опасные позиции!

Когда советские историки не замалчивают решающего участия махновцев в операциях, которые решили исход войны против Врангеля¹²⁴²⁷, они признают их блестящее поведение. Например, Руднев, автор монографии о махновском движении, писал в 1928 г., что «махновские части приняли участие в знаменитом Крымском походе Красной Армии. Они сделали очень важный в стратегическом отношении заход в тыл армии Врангеля, перейдя Сиваш и заняв 13-го ноября 1920 г. Симферополь одновременно со взятием Перекопа»¹²⁵²⁸.

Корк, командующий 6-й красной армией, также подчеркивает важную роль, которую сыграл пулеметный полк Кожина во время атаки Барбовича. Он добавляет, что одно из следствий этой победы над Врангелем состоит в том, что советское правительство стало единственным законным представителем России и получило возможность в этом качестве вести мирные и торговые (!) переговоры с капиталистическими странами¹²⁶²⁹.

Пока же, для большевистских руководителей и их военщины речь шла о том, что-бы решить вопрос о десятках тысяч белых солдат и офицеров, которые поверили в обещанную амнистию и доверчиво сдались новым властям. Приказ Ленина «безжалостно подавлять» их

имел в данном случае последствия в самой варварской форме. Бэла Кун, прибывший сюда после битвы, продемонстрирует свое умение. «Горе побежден-ным!» – гласит поговорка; так вот, здесь она применялась в полном смысле этого слова. Несомненно, воодушевляясь французским террором 1793 г., Бэла Кун, чекисты и другие мастера заплочных дел расстреливали пленных из пулемета – как Фуше в Лионе – или затапливали баржи с офицерами, связанными по рукам и ногам, в Черном море – как это делал в Нанте Карье. По данным Виктора Сержа, жертвами этих расправ стали 13 000 человек¹²⁷³⁰, по данным Гренара, французского дипломата, хорошо информированного по данному вопросу: в действительности, наверное, было более 50 000 жертв¹²⁸³¹! Бойня тем более ужасная, что белые, наивно оставшиеся в Крыму, были, вероятно, менее всего скомпрометированы в расправах и эксцессах своего движения; они надеялись искупить свои ошибки, как было обещано большевиками, участием в социалистическом и мирном строительстве страны. Они за это поплатились!

Все это время Махно залечивал свои раны в Гуляй-Поле. Большинство повстанческих подразделений было распущено по селам и родным местам на отдых и пополнение личного состава. Остальные подразделения стояли в Мелитополе, Большом Токмаке, Малой Токмачке и Пологах. Поверив, что заключенное с большевиками соглашение дает ему гарантию против неожиданного нападения, Махно посвятил себе вместе с местными анархистскими активистами делу созидания. С 1-го по 25-е ноября жители Гуляй-Поля собирались семь раз, чтобы принять решение о программе перестройки социальной и экономической жизни, полностью дезорганизованной за последний год десятками последовательных оккупаций местности. К середине ноября был создан совет и совместно с революционным советом повстанцев выработан проект основополагающего устава «свободного совета трудящихся». При участии последователей либертарной школы, основанной Франциско Феррером, началась, между прочим, организация школ, отделенных от государства и церкви. Для взрослых были созданы курсы по ликвидации неграмотности, а затем курсы основ политики и экономики, на которых преподавали повстанцы, рабочие и крестьяне, обладавшие некоторыми познаниями в этой области. Интересно, по этому поводу, взглянуть на их программу: а) политическая экономия; б) история; в) теория и практика социализма и анархизма; г) история французской революции по работе Кропоткина (Великая Революция); д) история революционного повстанческого движения в русской революции¹²⁹³².

Также уделялось внимание культурной работе: местный театр давал ежедневные спектакли. Повстанцы и их жены принимали в них участие не только в качестве зрителей и актеров, но и драматургов, отражающих эпизоды местной жизни последнего времени и борьбы повстанцев. Свободная и творческая жизнь возрождалась из пепла гражданской войны, увы, не надолго!

Польский анархист Казимир Тесляр, побывавший в это время в Гуляй-Поле, так описывает городок: «Поражаешься образцовой чистоте и порядку, которые царили повсюду. Я посетил Гуляй-Поле зимой. Поля и городок были покрыты толстым слоем снега. В каждом дворе стояла знаменитая "тачанка": это значило, что в каждом доме были махновские повстанцы [...] при въезде в городок, меня удивили окружавшие его заброшенные траншеи. Добравшись до центра, я был поражен ужасами войны, прокатившейся по этим местам и

оставившей глубокие следы. Лучшие дома в руинах, многие другие полуразрушены. В одном из них находился профсоюз трудящихся Гуляй-Поля. Все стены были в черных трещинах и дырах. Всюду виднелись следы пуль и огня. Когда приезжаешь в Гуляй-Поле, дети ведут вас показать то место, где австрийцы сожгли деревянный домик, в котором родился Нестор Махно и где жила его бедная старая мать, когда в город пришли австро-немецкие войска. Они показывают также другие дома анархо-махновских повстанцев, сожженные белыми или красными.

[...] На одной из главных улиц развевался на ветру черный флаг с надписью: "Штаб украинской махновской повстанческой армии"»13033.

Тесляр часто видел за время своего пребывания, как проносились галопом всадники, тачанки, группы повстанцев, уходя с грохотом в степь, чтобы там тренироваться в маневрировании и приучать молодых лошадей к оружейным выстрелам. Ему трудно было представить, что это большое село, выглядевшее так мирно, являлось «цитаделью свободы» и что там жил «вооруженный народ». Он отмечает, что детские игры на улицах воспроизводят сцены боев и напоминают о недавних, но к несчастью, очень реальных событиях.